

- Какой же я поэт?

Но Максимилиан Александрович, так продолжая поступать, отвечал:

- Если сейчас не поэт, должна им стать.

И если я стала поэтом, то, думаю, это сделал Максимилиан Александрович.

Максимилиан Александрович заботился о моей работе. Однажды зимой я получила от него письмо, где он объяснял, какие упражнения он считает необходимыми для меня, и почти требовал, чтобы я их делала и посылала ему на исправления. Он всегда толкал меня к работе. ...

Максимилиан Волошин ДЕЛО Н. А. МАРКСА

Генерала Никандра Александровича Маркса⁶²⁹ я узнал очень давно как нашего близкого соседа по имению: он жил в Отузах⁶³⁰, соседней долине. Узнал я его первоначально через семью Нич. Вера⁶³¹ была подругой его падчерицы Оли Фридерике⁶³² - и долго гостила у них в Тифлисе и проводила часть лета в Отузах - в Отрадном. Так называлась дача Оли, построенная на берегу моря, в отличие от старого дома в Нижних Отузах, в сторону шоссе, где был старый дом и подвал.

Н. А. по крови является старым крымским обитателем, и виноградники, которыми он владел в Отузах, принадлежали его роду еще до екатерининского завоевания. По матери он происходил из греческой семьи Цырули, которая за сочувствие русскому завоеванию получила в дар ряд виноградников в Отузах, имеет там на вершине одного из [холмов] - при выходе из деревни - родовые усыпальницы.

Судьба Маркса была нормальная судьба человека, с юности поставленного на рельсы военной службы. После корпуса он попал в военное училище, а после - на службу кавказского наместника, где прослужил мирно и успешно лет тридцать. Постепенно, в свои сроки, ему шли чины. В 1906 году он был уже в генеральских чинах⁶³³. Но здесь произошло очень важное отступление. В России веял либеральный ветер. Он коснулся и Маркса. Он в это время прочел Льва Толстого. Его затронул его протест против войны. Он ездил с Олей в Ясную Поляну, познакомился с ним лично, беседовал и вскоре покинул военную службу, а позже (в генеральских чинах) поступил вольнослушателем в университет⁶³⁴. Окончил его, защищал диссертацию и был приглашен на кафедру палеографии в Археологический институт, где читал курс в течение нескольких лет по древнему Русскому праву. В эпоху Первой государственной думы он примкнул к народным социалистам и фракции трудовиков.

⁶²⁹ 423 Никандр Александрович Маркс (1860-1921) - генерал-лейтенант, палеограф, профессор археологии, крымоведа и фольклорист. Дружба с Н. А. Марксом была для Волошина большим подспорьем в его крымском бытии.

⁶³⁰ Отузы - татарская деревня в 8,5 километрах от Коктебеля (в сторону Судака), ныне Щебетовка.

⁶³¹ Вера Матвеевна Нич (по мужу Георгиевич, ?-1918) - феодосийка, директриса частной гимназии.

⁶³² 424 Фридерике Ольга Владимировна (1877-ок. 1900) - дочь первой жены Н. А. Маркса - Аделаиды Валерьевны (урожд. Чарыковой, в 1-м браке Фридерике, 1857-1921) - писательницы.

⁶³³ 425 Чин генерал-майора был присвоен Н. А. Марксу в декабре 1906 г

⁶³⁴ 426 В университете Н. А. Маркс не учился. Он окончил (в 1910 г.) Московский археологический институт.

В эти годы характер жизни Марксов - они живут в Малом Власьевском пер[еулке]⁶³⁵ - меняется и получает характер литературного салона.

Н. А. записывает "легенды Крыма" и издает их выпусками⁶³⁶. Первые выпуски иллюстрированы К. К. Арцеуловым⁶³⁷.

Я знаю, что у него бывали многие начинающие поэты того поколения, например, Вера Звягинцева⁶³⁸, которая мне об этом рассказывала в Коктебеле, много позже.

Хотя Маркс был давно в отставке, однако во время войны 1914 года, как сравнительно молодой (для генерала) по возрасту, он был призван на службу. Но так как он был в это время по чину уже полный генерал⁶³⁹, то ему был поручен ответственный пост начальника штаба Южной армии. Таким образом, центром его деятельности стала Одесса.

Революция застала его начальником Одесского военного округа. Он, как человек умный и не чуждый политике, вел себя с большим тактом и был, кажется, единственным, не допустившим беспорядков в 1917 году в непосредственном тылу армии, а также предотвратившим в Одессе заранее все назревавшие еврейские погромы. На Государственном совещании в Москве он выступил против быховских⁶⁴⁰ генералов, то есть Деникина, Корнилова и пр., образовавших после ядро Добровольческой армии.

Но в военной среде было тогда уже недовольство Марксом за его излишний, как тогда считали, "демократизм". Но этот демократизм был вполне естественным крымским обычаем. Маркс подавал руку нижним чинам и всякого, кто ни приходил в его дом, гостеприимно звал в гостиную и предлагал чашку кофе. Это, вполне естественное в Крыму, гостеприимство и отношение к гостю вне каких бы то ни было социальных различий рассматривали в военной и офицерской среде как непристойное популярничанье и заискивание перед демократией.

Большевики докатились до Одессы только в декабре. До декабря весь 1917 год Маркс вел в Одессе очень мудрую и осторожную политику: виделся с лидерами всех партий и поддерживал порядок. В декабре он передал власть в руки коммунистов и уехал в Отузы, где мирно и тихо провел 1918 год, обрабатывая свои виноградники и занимаясь виноделием. В 1918 году я был у него несколько раз в Отузах с Т[ати]дой и снова или, вернее, по-новому подружился с ним.

На следующую осень, в 1918 году, я надумал поехать в Одессу читать лекции, надеясь заработать.

Ко мне присоединилась Татида, которая ехала в Одессу искать место бактериолога. У меня были в Одессе Цетлины, которые меня звали к себе. Я заехал в Ялту, а оттуда в Севастополь и Симферополь.

Это меня задержало, и в Одессу я попал только в 1919 году. Одесса и ее поэты: кружок

⁶³⁵ В Москве.

⁶³⁶ 427 "Легенды Крыма" были изданы Н. А. Марксом в Москве (1-й выпуск - в 1913-м, 2-й - в 1914 г.) и в Одессе (3-й выпуск, 1917 г.).

⁶³⁷ 428 Константин Константинович Арцеулов (1891-1980) - внук Ивана Константиновича Айвазовского, летчик и планерист, художник. Он участвовал в первом всероссийском слете планеристов, проводившемся в Коктебеле в ноябре 1923 г., и общался с Волошиным.

⁶³⁸ Звягинцева Вера Клавдиевна (1894-1972) - поэтесса.

⁶³⁹ Неточность: Н. А. Маркс был генерал-лейтенантом, а не "полным генералом".

⁶⁴⁰ 429 Быховские генералы - участники контрреволюционного корниловского мятежа в августе 1917 года, арестованные после подавления мятежа и заключенные в тюрьму в городе Быхове (Могилевской губернии).

Зеленой Лампы, Олеша, Багрицкий, Гроссман⁶⁴¹, Вен. Бабаджан⁶⁴². Я читал лекции и выступал на литературных чтениях, иногда с бурным успехом (Устная газета, Тэффи).

Одесса была переполнена добровольцами. Потом пришли григорьевцы. Эвакуация. Передача Одессы большевиками. Вечер вступления григорьевцев.

С момента отъезда из Одессы начинается моя романтическая авантюра по Крыму. Я выехал на рыбацкой шаланде с тремя матросами, которым меня поручил Немитц. Прежде всего не им мне, а мне им пришлось оказать важную услугу: море сторожил французский флот, и против Тендровой Косы стоял сторожевой крейсер, и все суда, идущие из Одессы, останавливались миноносцами. Мы были остановлены: к нам на борт сошел французский офицер и спросил переводчика. Я выступил в качестве такового и рекомендовался "буржуем", бегущим из Одессы от большевиков. Очень быстро мы столкнулись. Общие знакомые в Париже и т. д. Нас пропустили.

"А здорово вы, т[овари]щ Волошин, буржуя представляете", - сказали мне после обрадованные матросы, которые вовсе не ждали, что все сойдет так быстро и легко. Их отношение ко мне сразу переменялось.

Через два дня мы подошли к крымским берегам. Мы должны были высадиться в гавани Ак-Мечеть в [...] ⁶⁴³ и очень удобный заливчик в степном нагорно-плоском берегу, где можно было оставить судно до возвращения ⁶⁴⁴.

Плавая по морю, мы совершенно не знали, что за нами и что делается на берегу. Слышался грохот орудий, скакала кавалерия, но кто с кем и против кого были эти действия, мы не знали. Не знали и фр[анцузы], которых я расспрашивал. В Ак-Мечети оказался отряд тарановцев, партизанский отряд бывших каторжников, пользовавшихся в Крыму грозной славой. Не зная, как и что на берегу, мы подошли без флага. Нас встретили пулеметами. Я сидел, сложив ноги крестом, и переводил Анри де Ренье. Это была завлекательная работа, которую я не оставлял во время пути. Мои матросы, перепуганные слишком частым и неприятным огнем пулеметов, пули которых скакали по палубе, по волнам кругом и дырявили парус, ответили малым загибом Петра Великого. Я мог воочию убедиться, насколько живое слово может быть сильнее машины: пулемет сразу поперхнулся и остановился. Это факт не единичный: сколько я слышал рассказов о том, как людям, которых вели на расстрел, удавалось "отругаться" от матросов и спасти себе этим жизнь. Нас перестали обстреливать, дали поднять красн[ый] флаг и, узнав, что мы из Одессы, приняли с распростертыми объятиями. На берегу моря стоял дом Воронцовых с выбитыми рамами, развороченными комнатами, сорванными гардинами.

Нас прежде всего покормили, а потом в сумерках подали нам великолепную коляску (до Евпатории было 120 верст) и помчали нас через евпаторийский плоский п[олуостр]ов по белым дорогам, мимо разграбленных и опустелых мест. Иногда останавливались менять лошадей - и тогда мы попадали в обстановку деревенского хозяйства на несколько минут. И снова начинался ровный и однообразный бег крепких лошадей по лунным степям.

На рассвете показались крыши, купола и минареты Евпатории, а на рейде мачты кораблей, не могущих выйти в открытое море. Мы въехали в город. Сперва явились в

641 Речь о Л. П. Гроссмане.

642 430 Бабаджан Вениамин Симович (1894-1920) - поэт и художник, руководитель издательства "Омфалос" в Одессе. См. о нем в воспоминаниях Э. Миндлина (с. 413).

643 Пропуск в тексте рукописи.

644 431 Перипетии путешествия из Одессы в Крым Волошин описал также в стихотворениях 1919 года - "Плаванье" и "Бегство". Последнее посвящается (в рукописи) "товарищам по шхуне "Казак" - Малишевскому, Врублевскому и Борису, Парфену и Григорию" (первые трое - матросы-чекисты, двое других команда дубка).

прифронтовую Чрез[вычайную] Комиссию, где нам дали ордена на комнаты в хан⁶⁴⁵. Это был типичный крымский постоялый двор четырехугольник, окруженный круговым балконом, по которому шли номера. В одном номере поместились три наших матроса, а в соседнем мы с Татидой.

У матросов, как только мы приехали, началось капуанское "растление нравов". На столе появилось вино, хлеб, сало, гитара, гармоника, две барышни. "Товарищ Волошин, пожалуйста к нам". Было ясно, что они решили отпраздновать "благополучное завершение" опасного перехода. Ночью все успокоилось. И среди тишины раздался громкий, резкий, начальственный стук в дверь. Ответило невнятное мычание. "Отворите, товарищи. Стучит Прифронтовая Чрезвычайная Комиссия. Разве вы, товарищи, не знаете последнего приказа: в Крыму по случаю осадного положения запрещено спать с бабами". В ответ послышалось дикое и непокорное рычание:

- Мы сами служащие одесского ЧК, и никакого такого приказа мы в Одессе не знаем.

Тем не менее три барышни были из номеров матросов извлечены и переведены в комнату ЧК, что и требовалось доказать. Снова все успокоилось.

На следующий день я отправился в город. Город не имел никаких сношений с остальным Крымом: морем нельзя было выйти из порта - на рейде сторожил франц[узский] флот. Железная дорога бездействовала: паровозов не было. Мне захотелось есть, и я зашел в один из еще не закрытых ресторанов. Там рядом с нами за соседним столиком сидела семья. Ее глава, толстый господин в усах и в каскетке, так пристально приглядывался ко мне, что я обратил на них внимание. Дама, пожилая, полная, была прилично одета. Дети - мальчик и девочка - были вполне "дети хорошей семьи", с ними сидела сухопарая девица, имевшая вид гувернантки. Его самого я определил по виду как "недорезанного буржуа". Он подозвал мальчика, что-то прошептал ему, и мальчик направился ко мне и спросил: "Скажите, вы не Максимилиан Волошин? Папа послал узнать".

Я подошел к соседнему столику. "Вы меня знаете? Где мы встречались?" "А я был у Вас в Коктебеле несколько лет назад. Я к Вам заезжал из Судака по рекомендации Герцык. Мы с Вами полночи просидели, беседуя в вашей мастерской. Вы мне показывали ваши рисунки. Я был тогда еще в почтовой форме". Мы с ним дружески побеседовали, но я так и не вспомнил его. Он попросил меня зайти к нему. На следующий день, бродя по городу, я встретил барышню, которая имела вид гувернантки. Я спросил ее о вчерашних знакомцах. "Они сейчас у себя". - "А где они живут?" - "Их вагон стоит на путях, возле вокзала". - "Почему же он живет в вагоне?" - "Он всегда в собственном вагоне". - "А, в собственном вагоне? Почему же он в собственном вагоне? Разве он сейчас какая-нибудь важная птица?" - "Как же, они командующий 13-й армией". - "А как же его фамилия?" - "NN"⁶⁴⁶. Я сейчас же отправился на вокзал. Спросил вагон NN и полчаса спустя снова сидел у NN. Он меня сперва расспросил о моей судьбе. Я ему рассказал подробно об Одессе, о нашем путешествии, о матросах, о нашем затруднении выехать дальше... Он сказал тотчас же: "Я сию минуту телеграфирую Дыбенке⁶⁴⁷, чтобы от них прислали нам паровоз. И завтра сам отвезу Вас до Симферополя. Будьте здесь на вокзале с матросами завтра в 4 часа".

Вернувшись в хан, я сказал матросам, как нам повезло и что завтра в 4 часа я их повезу дальше. Таким образом, роли наши переменились. Раньше они меня везли, а теперь я их.

⁶⁴⁵ Хан - постоялый двор (тюркское).

⁶⁴⁶ 432 Здесь говорится об Иннокентии Серафимовиче Кожевникове. См. о нем 17-е примечание к воспоминаниям И. А. Бунина, а также статью М. Г. Анисимова "Слово о Ленине и красных почтовиках" (Вестник связи. 1980. № 4).

⁶⁴⁷ 433 Павел Ефимович Дыбенко с начала апреля 1919 года - нарком по военным делам Крымской республики.

Уважению их и преданности не было конца. Это сказало в отношении к моему багажу. До сих пор я сам, с трудом и напряжением, тащил мои чемоданы,- теперь матросы сами наперебой хватили их и даже подрались из-за того, кто понесет.

Я всегда с недоверием читал рассказ Светония о Цезаре в плену у тевтонов. Теперь я убедился, что Светоний несколько не преувеличил.

Для матросов был прицеплен вагон (теплушка). Тогда теплушками назывались пустые товарные вагоны без лавок внутри. Мы с Татидой были приглашены в вагон командарма. Сперва мы довольно долго сидели в купе у барышни-секретаря, потом я был приглашен к командарму. Сперва была большая пауза. Затем он почувствовал необходимость поговорить по душам.

- Вот Вы знаете, товарищ Волошин, что земля делает кажд[ый раз], крутясь вокруг солнца, 22 движения - и ни в одной космографии [об этом ни слова]. Почему? А я понял... Помню, раз, когда я в Сибири был на дальнем севере, туземцы костер развели: они у огня грелись. Я присмотрелся и вижу: у них правильные планетарные движения получаются: с одной стороны - огонь, а с другой стороны - ледяной ветер. Я подумал: ведь в солнечной системе как раз та же констелляция - здесь солнце, а с др[угой] стороны междузвездная стужа, 270 градусов,- представляете себе, какой сквозняк! Вот она и вертится, бока себе обогревает - то одним краем, то другим. А у ней еще "ось вывихнута", представляете себе, как ей трудно? По-моему, пора землю от влияния солнца освободить. Что ж это, право: точно она в крепостной зависимости от солнца! Вот я решил землю освободить. Сперва мы ей ось выпрямим: ведь климаты имеют причиной главным образом искривление земной оси. А когда мы ось выпрямим, тогда на всей земле один ровный климат будет.

- А как же вы ей ось выпрямлять будете?

- А у меня для этого система механических весел придумана по экватору. Они и будут грести, то с одной стороны, то с другой.

- Обо что грести?

- Вот как начнем грести, тогда и узнаем, в чем земля плавает. А потом путешествовать поедем по всемирному пространству. Довольно нам в крепостной зависимости от солнца, точно лошадь на корде, по одному и тому же кругу бегать.

Так, в поучительной и интересной беседе, мы скоротали путь до Симферополя и не заметили, как поезд дошел до станции.

Так как было уже поздно, то с вокзала никого из приехавших не пускали, и пришлось ночевать тут же, в общей зале, на холодном каменном полу.

Перед тем, как проститься, командарм дал мне карточку, на которой написал несколько слов и сказал: "Вот этого товарища Вы найдете в ГПУ⁶⁴⁸, фамилия его - такая-то. Он Вам даст и пропуск до Феодосии. А Вам пропуск понадобится. Теперь там, верно, военные действия - так не пропустят".

В Симферополе я устроил Татиду у Кедровых⁶⁴⁹, а самого меня пустили ночевать к Семенкович⁶⁵⁰, где я останавливался до Одессы. М[ада]м Семенкович была когда-то приятельницей Чехова - они были соседями Ч[ехо]ва по северному имению Ч[ехо]ва, и в

⁶⁴⁸ Здесь и далее, говоря о ГПУ, Волошин допускает неточность: в 1919 г. существовали губернские, транспортные, армейские Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем - местные органы ВЧК, в 1922 г. реорганизованной в ГПУ (Государственное политическое управление при НКВД РСФСР)

⁶⁴⁹ 434 Здесь имеется в виду семья Константина Николаевича Кедрова (1876-1932), певца и декламатора. В Симферополе он жил на Екатерининской улице. См. также о К. Н. Кедрове в воспоминаниях М. Изергиной (с. 452)

⁶⁵⁰ 435 Евгения Михайловна Семенкович (?-1920) - жена инженера В. Н. Семенковича, жила в Симферополе на Александрово-Невской улице

переписке его опубликован ряд писем Ан[тона] Павл[овича] к Семенковичам.

Здесь же я узнал вести, для меня неблагоприятные. Мне рассказали, что в симферопольском исполкоме на какой-то ответственной должности теперь находится подруга Т. Новицкого⁶⁵¹ - т. Лаура⁶⁵², которая, услышав о моем приезде, говорила: "Ну, если Волошин опять станет свои эстетические лекции читать, то ему головы не сносить".

Но читать лекции в Симферополе я не собирался, а спешил в Феодосию.

Зашел на другой день по рекомендации командарма в ГПУ и спросил товарища Ахтырского⁶⁵³. Так, по-моему, была его фамилия. Он отнесся ко мне очень хорошо и знал мое имя. И спросил у меня прежде всего: "Не хотите ли, я Вам дам бумаги о том, что Вы наш сотрудник?" Я ничего тогда не знал о ГПУ и наивно, на свое счастье, спросил:

- А это не поставит меня в какие-нибудь неудобные обязательства по отношению к воинской повинности?

- Да, это возложит на Вас некоторые обязательства во время призыва.

Я тогда поспешил от этого отказаться, и он мне тогда просто выдал бумагу о проезде в Феодосию.

Значение этой бумаги я оценил во время пути. В Симферополе я нашел спутника, какого-то юриста, командированного из Феодосии по каким-то надобностям. Мы благополучно доехали до Карасу-Базара⁶⁵⁴. Тут нам предстояла перемена лошадей. Заведующий этим был очень занят и сказал: "Лошадей нет... Можете подождать до завтра".

Я молча покорился судьбе. Но вспомнил о бумаге от ГПУ и неуверенно достал ее из кармана. Но она произвела неожиданный эффект. Коменданта, когда он увидел эту печать, прямо передернуло. Он схватил со стола телефонную трубку и начал сразу в нее кричать: "Эй, там! Давайте сюда лошадей, да получше!" И не успели мы спуститься со 2-го этажа - лошади нас уже ждали внизу, и через несколько часов, еще до вечера, мы поднимались по крутой дороге, ведущей петлями в Топловский монастырь, откуда те же лошади доставили нас на следующее утро в Старый Крым. Здесь нам предстояла новая смена лошадей.

Здесь на улице я увидел художника Котю Астафьева⁶⁵⁵. Он меня окликнул и попросил пока слезть с телеги. Он сказал, что заведует охраной искусства, но пока дела идут неважно - из Феодосии не высылают нужных полномочий. В Шах-Мамае⁶⁵⁶ исполком соседнего села завладел картинами Айвазовского и не отдает ему, несмотря на его просьбы и требования. Я ему сказал: "Я думаю, это просто устроить: я еду в Феодосию, чтобы принять Отдел искусства, вот у меня командировка из Одессы. У меня сейчас нет печати, но, я думаю, это возможно будет устроить. Где в Старом Крыму местный исполком?" Исполком был напротив. Мы с Астафьевым зашли туда. Я сказал председателю: "Товарищ, вот в чем дело. Я назначен из Одессы заведовать в Феодосии Отделом искусства. У меня нет печати, а у Вас здесь я обнаружил беспорядки. Мне сейчас надо написать бумагу в исполком села такого-то,

⁶⁵¹ 436 Павел Иванович Новицкий (1888-1971) - заведовал Крымским отделом народного образования. Впоследствии - театровед, член Союза писателей.

⁶⁵² 437 Лаура Евгения Романовна Багатурьянц (1889- 1960) председатель Симферопольского ревкома в 1919 году. См. о ней и в воспоминаниях М. Изергиной (с. 456).

⁶⁵³ 438 Аким Ахтырский (Мартьянов) (?-1926) - в июне 1919 года политком штаба Красной Армии. В 1920 году перешел к белым, выдав многих подпольщиков.

⁶⁵⁴ Ныне Белогорск.

⁶⁵⁵ 439 Астафьев Константин Николаевич (ок. 1890-1975) - художник (псевдоним - Астори), Позднее он эмигрировал

⁶⁵⁶ Бывшее имение художника И. К. Айвазовского (ныне - село Айвазовское Старо-Крымского района).

относительно картин Авайзовского. Может, Вы мне скрепите их своей печатью?"

Когда я написал бумагу, очень внушительную, и она была беспрекословно скреплена, К[отя] Астафьев мне сказал: "Я Вас хочу познакомить со своей женой, она здесь напротив принимает книги".

Мы перешли улицу, и в небольшой комнате, заставленной связками книг реквизированных библиотек, я был представлен Ольге Васильевне⁶⁵⁷. Затем мы с Татидой уже сели на свою повозку, когда Котя А[стафьев] остановил меня: "Да, я забыл Вам сказать, что Ваша библиотека, кажется, на днях разгромлена". Я очень спокойно начал его разубеждать и говорить: "Я знаю, что этого не было". Татида была очень удивлена моей уверенностью и спокойствием. "Но я уверен, что дома очень все благополучно".

В доме, как я и ожидал, все было благополучно. И Татида только удивлялась моей уверенности: "Но откуда ты знал? Знаешь, ведь это удивительно. И ты нисколько не сомневался?"

В момент моего приезда я застал у себя в доме обыск. Какой-то очень грубый комендант города, молодой, усатый, бравый, жандармского типа, по фамилии, кажется, Грудачев⁶⁵⁸. Он уже отобрал себе мой левоциклет⁶⁵⁹, на который давно уже метили местные велосипедисты. Но левоциклет был изогнут. Он стоял внизу под лестницей, и на него обычно падали всем телом: раз жена Кед[рова], раз кухарка... А в Феодосии его нельзя было исправить, так как редкость его конструкции была так любопытна, что каждый велосипедный мастер начинал его прежде всего разбирать, а потом не умел собрать его без моих указаний. А для меня лично возиться с велосипедом было нож вострый, так что я в этот момент не очень стоял за него и своих бумаг поэтому не показал. Напротив, когда заметил, что Грудачев остановился на сложном гимнастическом аппарате Сандова, то я ему предложил его взять на память, расхваливая его действия. Эта тактика очень поразила Татиду и Пра.

Через несколько дней мы отправились с Татидой в Феодосию. В сущности, я совсем не собирался ее брать в город. Я хотел все сам сперва устроить, а потом ее вызвать. Но она обнаружила немалое упорство, и мы отправились вместе. Я остановился у Богаевских. Когда я сказал, что у меня нет в городе никакого угла, он ответил: "Да поселяйся у нас во дворе: дурандовский дом⁶⁶⁰ совершенно пустой. Только не забудь, что по вечерам нельзя никакого света зажигать".

Мы с Татидой поселились в двух смежных комнатах и пребывали там по вечерам, поставив затененную лампу под стол, чтобы не сквозило в ставни ни одного скользящего луча. Вообще, это запрещение зажигать свет в комнатах английский флот стоял на виду, против Дал[ьних] Камышей⁶⁶¹, - создавало в городе панику.

В дома, где замечали огонь, врывались ночью солдаты, производили скандалы, иногда избиения... Рассказывали, что Величко был избит в порту, когда зажег зажигалку, чтобы закурить.

⁶⁵⁷ 440 Ольга Васильевна Астафьева (урожд. Трофимова, 1886- 1974) была подругой Марии Степановны Заболоцкой (будущей второй жены Волошина) по Петербургу.

⁶⁵⁸ 441 Волошин запомнил фамилию человека, производившего обыск у него в доме: Грудачев Петр Александрович (1893- 1978) матрос, в 1919 году комендант Феодосии.

⁶⁵⁹ Горный велосипед французского производства.

⁶⁶⁰ Дом Дуранде - феодосийской купеческой семьи.

⁶⁶¹ Поселок под Феодосией.

На следующ[ий] день мы с Константином] Ф[едоровичем] ⁶⁶² пошли в Отдел искусства, которым заведовали Н. А. Маркс и Вересаев⁶⁶³. Заведовали очень хорошо. Во всем был порядок, субординация и нормальные формы парламентаризма. Помещение было в одном из домов Крыма на набережной, где потом была санатория. Большевики в этот (второй) свой приход в Крым держали себя по-военному, по-граждански очень корректно. Сравнительно с добровольцами, которые перед отходом расстреляли всех заключенных в тюрьмах без разбора.

Особенно в это время отличился сводно-гвардейский отряд. Советские же войска отличались выдержкой, лояльностью и на этот раз классовых врагов не истребляли. Правда, "контрибуция" шла, но это все было жестоко по бесправию.

Белые, отступая, остановились, укрепясь в Керчи, под защитой англ[ийского] флота.

В Керчи (о ней мы пока знали очень мало) шла своя история: усмирение восстания в каменоломнях. Тогда было повешено 3 тысячи человек на бульварах и на улицах. Но свидетелем этих зверств мне пришлось стать только месяц спустя.

Пока же я примкнул, или, вернее, сделал попытку примкнуть, к Отделу искусства. Но это мне не удалось. Выяснилось, что в Феодосии уже в Отделе иск[усства] работает Касторский⁶⁶⁴ - певец, которого я давно знал по Парижу как члена вокального квартета Кедровых. Я ему предложил полюбовно поделить между нами искусство: ему оставить театр, а мне взять изобразительные искусства. Но Касторский не был доволен этим разделением власти.

Я получил как-то приглашение в Исполком. Он помещался в спальне Лампси. Я имел счастье познакомиться с Искандером и т. Ракком, которые были грозой тогдашних дней⁶⁶⁵, как главные "реквизирующие".

Искандер начал разговор о моей статье - "Вся власть патриарху"⁶⁶⁶, которая ему как-то попала в руки, и спросил меня: продолжаю ли я думать так же? Я почувствовал подвох и

⁶⁶² Богаевским.

⁶⁶³ 442 Заведующим Феодосийским отделом народного просвещения (Отнарпросом) в то время, о котором вспоминает Волошин, стал коммунист В. Т. Горянов, студент-математик Н. А. Маркс был заведующим школьной и хозяйственной секциями Отнарпроса, но фактически "вел все дела комиссариата". В. В. Вересаев ведал отделом театра и искусства.

⁶⁶⁴ 443 Касторский Владимир Иванович (1871-1948) - певец (бас), с 1939 г. заслуженный деятель искусств РСФСР.

⁶⁶⁵ 444 Мнение Волошина об Искандере и Ракке как о "грозе тогдашних дней" можно сопоставить с рассказом о крымских событиях тех лет В. В. Вересаева, в архиве которого сохранилась сделанная им запись обсуждения его романа "В тупике" высшими политическими руководителями страны. Это обсуждение происходило в январе 1923 года в Кремле, на квартире Л. Б. Каменева - в то время члена ЦК РКП(б), заместителя председателя Совнаркома. Среди гостей Каменева был и Ф. Э. Дзержинский. "Он, - вспоминает Вересаев, - меня между прочим спросил:

- А скажите, пожалуйста, где сейчас находится этот Искандер, о котором вы пишете?

В моем романе был выведен председатель ревкома^{665 665} А. И. Искандер был членом президиума феодосийского ревкома. Председателем ревкома был Евгений Наумович Ракк (Закаминский)

, садически жестокий армянин, взявший себе псевдоним "Искандер". Я ответил, что после прихода белых Искандер бежал из Феодосии в Карасубазар. Но его выследили дашнаки и застрелили из револьверов⁶⁶⁵⁶⁶⁵ Искандер был убит в июле 1919 г

при выходе из парикмахерской, куда он зашел с целью преобразить свою наружность. Когда меня это спрашивал Дзержинский, глаза его блеснули так холодно и грозно, что я почувствовал, что плохо пришлось бы этому Искандеру, если б он был жив" (Вересаев В. В. В тупике. Огонек. 1988. № 30. С. 30).

⁶⁶⁶ 445 Статья Волошина "Вся власть патриарху" была напечатана в газете "Таврический голос" (Симферополь) 22 декабря 1918 г.

ответил: "Нет", - тогда был такой момент, и я это думал в связи с господством белых на юге России и в связи с историческими традициями Древней Руси, на которые в то время было принято ссылаться. А статья, в сущности, была направлена против генералов, как Деникин и Колчак, которые очень настаивали на законности своих прав. Она и была в этом смысле в свое время понята моими читателями.

Через неск[олько] дней Касторский, торжествующий, явился в Отдел искусства с телеграммой из Одессы: "Назначение Волошина рассматривать как недоразумение". Представляю, что про меня писалось и результатом каких сплетен явилась эта краткая формула.

Остальное время в Феодосии я провел в текущих делах и стал собираться в Коктебель, когда узнал, что туда проехал мой евпаторийский командарм Кожевников. Но мы их уже не застали, а встретили на шоссе около Насыпкоя⁶⁶⁷, уезжающими. А мама рассказала, что они приехали нежданно-негаданно и очень ждали меня.

Затем прошло еще несколько дней, пришел белый десант⁶⁶⁸. Помню, что накануне рассказывали, что к берегу подходил белый миноносец. Поймали какого-то молодого человека и передали ему письмо. Письмо для кого и откуда - никто не знал, потому что юношу сейчас же арестовали. Вечером я сидел у себя наверху, в мастерской, и услышал внизу солдатские голоса, упрекающие маму, что она держит огонь открытым на море, и протестующий мамин голос: "Да вода была чистая. Я просто в темноте не видела, есть ли кто внизу".

Она кого-то облила, выливая помой с балкона. На следующий день я проснулся рано, потому что собирался в юнг[овскую] экономию перевезти к себе книги, так как давно уже уговаривал Сашу⁶⁶⁹ перевезти их ко мне, чтобы спасти от реквизиции.

Но прежде, чем я дождался лошадей, с моря раздался выстрел: белые пришли и обстреляли берег. Кроме добровольческого крейсера, было еще два малых англ[ийских] миноносца, которые обстреливали берег, и дощатая баржа с чеченцами. Баржа подошла к берегу за Павловыми. На холме за их домом силуэтились пушки и бегали люди.

Коктебель был никак не защищен, но 6 человек кордонной стражи из 6 винтовок обстреляли английский флот. Это было совсем бессмысленно и неожиданно. Крейсер сейчас же ответил тяжелыми снарядами... Они были направлены в домик Синопли, из-за которого стреляли. "Бубны" разлетелись в осколки.

Осмотрев все кругом, я понял, что делать нечего, бежать некуда, прятаться негде. И будет привлекать внимание обстреливающих только какая-нибудь тревога в их поле зрения. Поэтому я попросил не делать никаких движений, видимых снаружи: не запирать ни дверей, ни ставен, ни окон. Кроме своих, то есть меня, мамы и Татиды, в доме был только один пожилой инженер, друг семьи Н. И. Бутковской⁶⁷⁰, приехавший, чтобы дожидаться прихода белых в Крыму. Словом, все, кто был, ждали именно этого события. Я же, все устроив, сел за обычную литературную работу, продолжая переводить А[нри] де Ренье, перевод, которым я занимался весь путь из Одессы. Мне как раз надо было перевести стихотворение "Пленный принц". Меня очень пленял его размер, и у меня была идея, как передать его по-русски. Но стих все не давался, было трудно. А здесь (просто ли я был возбужден и взволнован?) мне он дался необычайно легко и быстро, так что у меня стихотворение было уже написано, когда

⁶⁶⁷ Ныне Насыпное (между Феодосией и Симферополем).

⁶⁶⁸ 446 Белый десант был высажен в Двужорной бухте (между Коктебелем и Феодосией) 18 июня 1919 г.

⁶⁶⁹ Александр Эдуардович Юнге (1872-1921) - ботаник.

⁶⁷⁰ 447 Бутковская Наталья Ильинична (1878-1948) - петербургская издательница, вторая жена художника А. К. Шервашидзе.

мне сказали, что внизу меня спрашивают офицеры. Я их просил подняться ко мне наверх в кабинет.

- Ну, как Вам жилось при советской власти? Неужели мы Вас обстреляли?

- Вот, - я показал тетрадь с не обсохшими еще чернилами, - вот моя работа во время бомбардировки. А жертва обстрела, кажется, только одна: пятидневный котенок, который убит, один из шести братьев, которые сосали мать во время обстрела.

Так 12 пудов стали и свинца понадобилось, чтобы убить это малое существо.

Через некоторое время я увидел группу деревенских большевиков, и среди них Гаврилу Стамова⁶⁷¹, вылезших робко из-за забора на пляж и размахивавших чем-то белым. Я подошел к Гавр [иле] и спросил:

- Что вы делаете?

- Да вот желательно с белыми в переговоры вступить.

- А что вы от них хотите?

- Да вот, чтобы дали рыбакам сети убрать. Да чтобы не стреляли по убирающим сено в горах. А то, как увидят скопление народа, сейчас же палят.

Я предложил свои услуги в качестве парламентаря. Они обрадовались. Дали лодку. Я навязал на тросточку носовой платок - белый флаг - и поехал на крейсер. Крейсер ("Кагул") был мне хорошо знаком. Зимой на нем были пневматические машины, и он накачивал воздух в "Марию" - дредноут, потопленный взрывом в самом начале гражданской войны⁶⁷², - по способу Санденснера⁶⁷³. Я был знаком с Санденснером и бывал у него на "Кагуле", так что был знаком со всей кают-компанией "Кагула", то есть со всем офицерством. А старшего офицера с "Кагула", в то время - сапожника, знал хорошо, так как давал ему ремонтировать мои башмаки в Севастополе.

Когда мы огибали "Кагул" (среди Коктебельского залива он вблизи был громадиной), нам дали знак, что сходня спущена с левого борта (так встречают почетных гостей). Взобравшись по крутой лестнице, я снял шляпу, вступая на палубу, и был сейчас же проведен, как парламентар, к командиру судна. Он принял меня с глазу на глаз в своем кабинете. И ответил кратко на все вопросы, что я ему задал, - можно ли снимать сети? косить сено? благоприятно и утвердительно. Потом сказал: "Вас офицеры ждут в кают-компании"... Я прошел туда и увидел массу знакомых лиц.

- Как поживаете? Что нового написали за это время?

Я отвечал на вопросы и читал новые стихи. Этим не кончилось. Потому что меня потом повели в матросскую рубку, потом в госпиталь - везде были люди, меня хорошо знающие и очень заинтересованные моим появлением.

В добровольческом флоте в то время команды были набраны почти сплошь из учащейся молодежи. Так что я увидел за полчаса большую часть моих слушателей из Симферопольского университета и многих участников моих бесед, когда мне задавали вопросы, а я отвечал. Это были очень интересные беседы. Очень интересные по составу слушателей и по парадоксальности моих ответов.

Мой знакомый башмачник оказался заведующим обстрелом Старого Крыма (он был старший офицер). Он пришел ко мне с картой Старого Крыма и, развернув ее, спросил: "А что здесь?" - показав на малый промежуток, отделяющий Болгарщину от Старого Крыма.

- Здесь? Не помню, что именно. Пустыри.

- Это место приказано нам обстреливать...

⁶⁷¹ См. о нем в воспоминаниях И. Березарка.

⁶⁷² 448 Броненосец "Императрица Мария" был взорван немецкой агентурой 7 октября 1916 года близ Севастополя. Поднят со дна 28 февраля 1919 года.

⁶⁷³ Правильно: Сиденснер Григорий Николаевич (корабельный инженер).

Много месяцев спустя, вернувшись из Екатеринодара в Феодосию и встретив Наташу В.⁶⁷⁴, я у нее спросил: "Какое было в Старом Крыму впечатление [от] обстрела?"

- Совершенно поразительно[е]. Мы никак не могли понять, откуда в нас стреляют. Что из Коктебеля - узнали через несколько дней. Это ведь недалеко от нашей дачи. Сперва было непонятно, куда метят. Положивши ряд снарядов вокруг Штаба, последний снаряд положили в самый Штаб. Изумительная меткость!

Одна из форм современной войны. Надо еще принять в соображение, что между Коктебелем и Старым Крымом проходит довольно внушительный хребет Арматлук.

Я спокойно сидел в Коктебеле, когда от Екатерины Владимировны Вигонд⁶⁷⁵ - жены Маркса - пришла записка: "Милый Макс, приходите - Ваше присутствие необходимо. Ник[андр] Алекс[андрович] арестован⁶⁷⁶, и ему грозит серьезная неприятность".

Я в тот же день пошел в Феодосию (через Двужорную).

Придя, я узнал, что Маркс арестован на другой день после прихода белых. Он знал, что красные уйдут, но, наивно считая, что им никаких преступлений в качестве заведующего Отделом Народного Образования не совершено, решил остаться. И военные власти не обратили сначала никакого внимания на его присутствие в городе. Но, когда вернулись озлобленные буржуи из недалекой эмиграции (Керчь, Батум), начались доносы и запросы: "А почему генерал Маркс, служивший у большевиков, гуляет в городе по улицам на свободе?" Его арестовали. Сначала арест не имел серьезного характера. Но в течение нескольких дней клубок начал наматываться и запутываться. Сперва его посадили в один из [гостиничных номеров, и] произошел такой инцидент: к нему в номер ворвался офицер, служивший при красных, спасаясь от пьяного и разъяренного казачьего есаула. Когда Маркс инстинктивным жестом отстранил есаула, тот накинулся на него и схватил за грудь, очевидно, ища оружие, ощутил что-то твердое. Это была икона - материнское благословение. С есаулом произошла мгновенная реакция. Он мгновенно стих и начал креститься и целовать икону.

Но вчера Екатерина Владимировна была случайно свидетельницей того, как комендант города приказывал отрядить 6 надежных солдат, чтобы отправить Маркса в Керчь. Это сразу делало дело серьезным и опасным. Нужно было ехать с Марксом, чтобы моим присутствием предотвратить возможный бессудный расстрел по дороге.

На следующее утро я был у начальника контрразведки. Был принят сейчас же.

- Скажите, кто это Вересаев? Его фамилия Смидович?

- Да, его литературное имя Вересаев, автор "Записок врача". Вы, верно, думаете - известный большевик Смидович? Это его двоюродный брат⁶⁷⁷ и родной брат его жены. А больше никакого отношения к нему он не имеет.

- И Вы можете мне поручиться, что этот Вересаев-Смидович - писатель?

- Конечно.

- Тогда передайте ему, пожалуйста, - я вчера взял с него подписку, что он никуда из города не выедет, - что он совершенно свободен. У него, кажется, здесь где-то под городом есть имение?

- Да, в Коктебеле. Он мой сосед.

Потом я в тот же день был у коменданта. Он был только что назначен, и до него

⁶⁷⁴ Наталья Александровна Вержховецкая - поэтесса, жительница Старого Крыма.

⁶⁷⁵ Е. В. Вигонд (ок. 1877-?) - вторая жена Н. А. Маркса.

⁶⁷⁶ 449 Н. А. Маркс был арестован 22 июня 1919 года. По воспоминаниям Вересаева, содержался в феодосийской гостинице "Астория".

⁶⁷⁷ Смидович Петр Гермогенович (1874-1435) - революционер, в 1918 году председатель Моссовета.

добраться было мудро: в коридоре "Астории" против его номера стояли в ожидании десятки людей. Легальным путем - через хвост - к нему не проникнуть. Со мной поздоровался один из солдат стоявших у его кабинета. Оказалось: один из местных гимназистов, знавших меня. Я ему объяснил мою спешную необходимость видеть коменданта.

- Хорошо, я Вас проведу в другую дверь.

Маркс? Этот негодяй? Изменник?..

- Простите, полковник, я совсем иного мнения...

- Но теперь положение в России просто: есть красные, есть белые! Одно из двух: что он, за белых или за красных? Середины быть не может.

- Сейчас идет война, и она еще не кончена. Это еще более важное в мире, чем наши русские междоусобные распри. Белые за Францию, большевики за Германию. И, в конце концов, сводится к тому, кто за Германию, кто за Францию.

- Да, у нас есть несомненные доказательства тому, что Германия доставляла амуницию красным.

- Вот видите, полковник, как это сложно. Кто же изменник - те, кто стоит за немцев, или те, кто за французов?.. Но простите, мы уклонились от темы: могу ли я получить от Вас двойной пропуск в Керчь для меня и дамы, Екатерины Влад[имировны] Вигонд - это жена Маркса?

- Эй, там... Напишите господину Волошину пропуск в Керчь. Но как Вы туда попадете?

Мне легко удалось устроить себе проезд в Керчь. Я встретил, выходя из "Астории", Алекс[андра] Алекс[андровича] Новинского, моего приятеля, начальника порта, который только что вернулся из эмиграции и сам ехал куда-то назад, на Кавказск[ое] побережье. От него я узнал, что завтра в полдень идет из Феодосии поезд, с которым повезут Маркса в Керчь. Мы с Екатериной Владимировной погрузились в поезд, в товарный вагон. Рядом с нами был такой же вагон (теплушка так называемая), в котором ехал Маркс с несколькими солдатами - стражею.

Поезд не отходил довольно долго. Кое-кто из города заходил к нам прощаться. Зашел Коля Нич⁶⁷⁸. Я ему поручил поговорить с кем-нибудь из адвокатов, а его попросил собрать и свидетелей недавней деятельности Маркса как начальника Отдела Нар[одного] Образования. Собрать письменные свидетельства о деятельности Маркса, заверить у нотариуса и послать заказным на мое имя в Екатеринодар, где был тогда команд[ующий] Добров[ольческой] армией. Поезд двинулся с опозданием на 5-6 часов и затем на всех полустанках керченского пути, которых было так много, останавливался по 6 часов, а во Владиславовне пробыл 12 часов. Это был первый воинский поезд, который шел через линии только что взятых с боя позиций. Везде были следы бомбардировок и атак: воронки, разорванная проволока, выломленные двери.

Вся публика, что ехала с нами в теплушке, - это были солдаты, которые ехали принять участие в боях, которые еще шли на станциях в сторону Джанкоя, и среди них немного офицеров. Солдатская стража, которая была приставлена к Марксу, уже давно была на его стороне. А были опасны вмешательства со стороны: когда поезд часами стоял на полустанке, а скучающая и ожидающая публика бродила сонными мухами, то все рано или поздно останавливались против теплушки, где находился Маркс со своими стражами. И кто-нибудь спрашивал: "А кого это везут арестованным? А! Это генерал Маркс большевистский главнокомандующий? Известный изменник! А ну-ка посторонись, братец (к солдату), я его сам пристрелю". И начинал расстегивать кобуру. Тогда наступала моя очередь. Я подходил к офицеру и начинал разговор: "Простите, г[осподи]н офицер. Вам в точности известно, в чем заключается дело генерала Маркса? И в чем он обвиняется? Видите, я Максимилиан Волошин и еду вслед за ним, чтобы быть защитником на военном суде и чтобы не допустить

⁶⁷⁸ См. о нем в комментариях к "Истории Черубины"

по дороге расстрела без суда". Офицеры оказывались обычно сговорчивыми и говорили: "Ну, здесь на фронте Вы его легко провезете. Здесь народ сговорчивый. А вот в Керчи - там всем заведует ротмистр Стеценко, это такой негодяй. Он Маркса не пропустит!" Имя ротмистра Стеценко повторилось несколько раз и врезалось в память, как самый опасный пункт дальнейшего плавания.

Между тем Марксу удалось написать несколько записок и передать их Ек[атерине] Владим[ировне] через преданных ему уже стражей. Сперва солдаты относились к нему с пренебрежением, как к человеку уже конченому. Один у него выпрашивал золотые часы: "Знаете - подарите их мне: ведь все равно Вас часа через два расстреляют. На что же они Вам?" Этот же самый солдат через два дня в Керчи, когда сменяли стражу, мне говорил взволнованным голосом: "Ну, если они такого человека расстреляют, то правды нет. Тогда только к большевикам переходить остается".

После 36 часов пути мы одолели 100 верст и под вечер приехали в Керчь.

Тут Маркса отделили от нас, посадили на линейку и увезли в город. Я же закинул на плечи чемоданчик Екатерины Владимировны и пошел с ней в город.

У нас была одна мысль. Нам Маркс написал в первой же записке: "В Керчи идите прямо к Месаксуди"⁶⁷⁹. Месаксуди был один из керченских богачей, много помогавший Добровол[ьческой] армии. В германскую войну он, будучи в солдатах, встретился с Марксом. Маркс его определил в свою канцелярию. Устроил жить у себя в квартире. Месаксуди был ему обязан жизнью и всегда его звал в Керчь и говорил ему и Ек[атерине] Владимировне: "Если попадете в Керчь, милости просим ко мне в дом" К нему мы и отправились прямо с вокзала.

Дом его был в самом шикарном месте - на Приморском бульваре, где только что на деревьях вешали большевиков, захваченных в каменоломнях. Все мои надежды были на Месаксуди. Я думал: "Ну вот, передам Маркса Месаксуди - он все сделает".

Месаксуди был дома; у него были гости - офицеры. Он, возможно, слышал, что Ек[атерина] Влад[имировна] едет, и нас не принял. Стилизованный и англизированный лакей нам объявил, что барин занят гостями и принять нас не может.

Ошеломленные, обескураженные, мы остались на улице перед крыльцом дома. Тут же я прочел объявление, что, по случаю осадного положения, движение по городу разрешается только до 10 1/2 часов, а позже этого времени встреченные на улице без пропуска коменданта - расстреливаются на месте.

Так как по часам было уже позже 10 1/2 часов, хотя только что начинались сумерки, я понял: первое, что нам необходимо, - это искать ночлега, прекрасно понимая, что сейчас в Керчи, где столпился весь бежавший Крым, это очень трудно.

Я попросил часового, стоявшего на часах рядом с подъездом, позволить с ним постоять Екатерине Владимировне, пока я не вернусь, и пошел в гостиницу, которую помнил здесь за углом, хотя надежды устроиться там у меня почти не было.

Но ясно помню ход моих мыслей в это мгновение: Месаксуди струсил боится скомпрометировать себя об Маркса. Маркс остается всецело на моих руках. Значит, я его должен спасти без посторонней помощи. Но я ничего не знаю о военной дисциплине, о воинских порядках. Я даже не знаю, в чьих руках сейчас судьба Маркса и кого я должен прежде всего видеть и с кем говорить. Я не знаю, что я буду делать, что мне удастся сделать, но я прошу судьбу меня поставить лицом с тем, от кого зависит судьба Маркса, и даю себе слово, что только тогда вернусь домой, в свой Коктебель, когда мне удастся провести его сквозь все опасности и освободить его.

В этот момент меня окликнул часового:

- Ваш пропуск!

⁶⁷⁹ Правильно: Месаксуди Владимир Константинович табачный фабрикант, английский представитель в Керчи.

- Я приезжий, я только что с вокзала.

- Вы арестованы. Идите за мной.

Мне было решительно все равно, каким путем идти навстречу судьбе. Мы вошли в соседнее здание - к коменданту города. В большой полутемной комнате сидело в разных углах несколько офицеров.

- А, господин Волошин... Какими путями Вы здесь? Что это за солдат с Вами?

- Да я, по-видимому, арестован, это мой страж...

- Вы свободны. Иди себе. Его здесь все знают...

Это был полужнакомый офицер. Мы его звали летом "Муж развратницы". Это имя создалось оттого, что его жена, полная и нелепая блондинка, кому-то громко и несколько рисуясь говорила: "Ах, вы знаете, я такая развратница".

- Да, но я выйду на улицу - мне надо найти сейчас ночлег, - и меня следующий городской на соседнем углу арестует...

- Хотите переночевать у меня? - предложил следующий офицер на костылях. - У меня есть как раз свободная комната.

- Спасибо. Но дело несколько сложнее: я с дамой. Она ждет меня на углу: я ее оставил около часового и просил его посторожить ее, пока я не вернусь и узнаю что-нибудь относительно ночлега.

- Так мы вот что сделаем: даму мы положим в отдельную комнату, а сами мы переночуем вместе, у меня как раз в комнате канапе стоит... Погодите. Я возьму у коменданта два пропуска для Вас, а сами Вы идите с дамой ко мне. Я буду вас уже ждать. Вот мой адрес. Это далеко - на другом краю города! До свидания.

Я вернулся к Ек[атерине] Влад[имировне] и нашел ее в том же месте против крыльца Месакусиди. Я рассказал ей в двух словах все, что со мной было, и мы пошли по ночным уже улицам Керчи.

Через 1/2 часа мы были уже у назначенного нам адреса. По дороге нас раз пять останавливали пикеты. Я показывал пропуска. Нас пропускали.

Раненый офицер был уже дома. Мы уложили Екатерину Влад[имировну] в отдельную маленькую комнату, очевидно, днем темную, так как окна там не было, но стояла большая кровать. Ек[атерина] Влад[имировна] как легла - в тот же миг заснула. Очевидно, 36 часов в теплушке на полу и без сна сказались. Я остался вдвоем с офицером. Помог ему лечь, перебинтовать ногу. Сам сел на канапе.

- Позвольте же мне Вам рекомендоваться и узнать, чьим гостеприимством я имею честь пользоваться?

- Начальник местной контрразведки - ротмистр Стеценко... Ваше имя мне знакомо - Вы поэт Волошин из Коктебеля?

- Да, но знаете ли вы, кто та дама, что спит под Вашим кровом в соседней комнате?

- ???

- Это жена генерала Маркса, обвиняющегося в государственной измене и сегодня препровожденного в Ваше распоряжение. А я являюсь его защитником и сопровождаю его с целью не допустить до его бессудного расстрела и довезти его до Екатеринодара и там представить перед лицом военно-полевого суда...

- Да... действительно... Но, знаете, с подобными господами у нас расправа короткая: пулю в затылок и кончено...

Он так резко и холодно это сказал, что я ничего не возразил ему и, кроме того, уже знал, что в подобных случаях нет ничего более худшего, чем разговор, который сейчас же перейдет в спор, и собеседник в споре сейчас же найдет массу неопровержимых доводов в свою пользу, что, в сущности, ему и необходимо. Поэтому я и не стал ему возражать, но сейчас же сосредоточился в молитве за него. Это был мой старый, испытанный и безошибочный прием с большевиками.

Не нужно, чтобы оппонент знал, что молитва направлена за него: не все молитвы доходят потому только, что не всегда тот, кто молится, знает, за что и о чем надо молиться.

Молятся обычно за того, кому грозит расстрел. И это неверно: молиться надо за того, от кого зависит расстрел и от кого исходит приказ о казни. Потому что из двух персонажей - убийцы и жертвы - в наибольшей опасности (моральной) находится именно палач, а совсем не жертва. Поэтому всегда надо молиться за палачей - и в результате молитвы можно не сомневаться...

Так было и теперь. Я предоставил ротмистру Стеценко говорить жестокие и кровожадные слова до тех пор, пока в нем самом под влиянием моей незримой, но очень напряженной молитвы не началась внутренняя реакция, и он сказал: "Если Вы хотите его спасти, то прежде всего Вы не должны допускать, чтобы он попал в мои руки. Сейчас он сидит у коменданта. И это счастье, потому что если бы он попал ко мне, то мои молодцы с ним тотчас расправились бы, не дождавшись меня. А теперь у Вас есть большой козырь: я сегодня получил тайное распоряжение от начальника судной части генерала Ронжина о том, чтобы всех генералов и адмиралов, взятых в плен, над которыми тяготеет обвинение в том, что они служили у большевиков, немедленно препровождать на суд в ставку в Екатеринодар. Поэтому завтра с утра напомните мне, чтобы я протелефонировал к себе в контрразведку, а сами поезжайте к генералу такому-то, чтобы он переправил Маркса в Екатеринодар на основании приказа ген[ерала] Ронжина... Вот возьмите выписку об этом приказе - его еще не знают в городе".

Мы заснули... А на следующее утро все пошло как по маслу, как мне накануне продиктовал начальник контр разведки.

Через два дня у пристани в порту стоял транспорт "Мечта" - очень высокий (нагруженный), и на самом верху сходни стоял человек с высоким лбом, круглым подбородком, лицом военного типа и говоривший отрывочным, резким голосом: "Ну, подобных господ надо расстреливать без суда, тут же на месте". Слова, несомненно, относились к ген[ералу] Марксу. "Кто это?" - спросил я. "Это - Пуришкевич - член Гос[ударственной] думы", - ответил спрошенный.

Так я взшел на военный транспорт. Вечером, когда транспорт был уже в пути, ко мне подошел офицер и рекомендовался пом[ощником] командира транспорта и сказал:

- Господин Волошин, не согласитесь ли Вы принять участие в литературн[ом] вечере, который сегодня предполагается в кают-компании? У нас на борту находится редкий гость - Владимир Митрофанович Пуришкевич, он обещал сказать нам речь о положении в России в настоящую минуту.

- Но только познакомьте меня предварительно с Пуришкевичем.

Он сейчас же представил нас друг другу, и я попросил у Пуришкевича позволения читать стихи раньше его речи, на что он с большой готовностью согласился.

Палубу обтянули парусами и таким образом сделали защищенной - так что для чтения и для речей было очень уютное и замкнутое пространство. Я прочел всю серию моих последних стихов о Революции. Среди них цикл "Личины" ("Матрос", "Красногвардеец", "Русская Революция" и т. д.). Пуришкевич пришел в полный восторг и говорил: "Вы пишете такие стихи! И сидите где-то у себя в Коктебеле? И их никто не знает? Да эти стихи надо было в миллионах экземпляров по всей России распространить... Да знаете, вот эти добровольческие "Осваги" - их надо было бы всех позакрывать. А вместо них издать книжку Ваших стихов - вот наша сила".

Любопытно, что в это самое время на другом полюсе, в Москве, полярный Пуришкевичу человек - [...] ⁶⁸⁰ - писал про эти же мои стихи: "Вот самые лучшие, несмотря на контрреволюционную форму, стихи о русской революции". Этим совпадением мнений

⁶⁸⁰ 450 "Полярный Пуришкевичу человек" - по-видимому, Л. Д. Троцкий. В письме Волошина к Цетлиным от 5 апреля 1920 года сказано: "Мне передавали несколько месяцев тому назад, что в "Правде" была статья Троцкого (слово зачеркнуто, но угадать можно. - Сост.) обо мне, где он называл меня самым крупным из современных поэтов" (цит. по копии, снятой В. Купченко с оригинала в архиве М. С. Володиной в конце 60-х годов).

Пуришкевича и [...] я горжусь больше всех достижений в русской поэзии: в момент высшего напряжения гражданской войны, когда вся Россия не могла столкнуться ни в чем, найти такие слова, которые одинаково затрагивали и белых, и красных⁶⁸¹, и именно в определении сущности русской революции. Тогда становится совершенно понятным, каким образом в Одессе и белые и красные начинали свои первые прокламации к народу при занятии Одессы цитатами из моих стихов.

После окончания чтения я чувствовал себя героем вечера. Ко мне подошел командир транспорта: "Вы, наверное, не имеете у нас, где поспать. Я свою каюту уже уступил Влад[имиру] Митрофановичу. Но там есть еще кушетка. Если Вы ничего не имеете против, то я буду очень рад предложить воспользоваться ею".

Я, конечно, только обрадовался, получив на эту ночь Пуришкевича в полное свое распоряжение. Мы с ним проговорили если не всю ночь, то по крайней мере полночи.

Меня очень интересовали его взгляды:

- Я знаю, Вл[адимир] Митр[офанович], что Вы были постоянно монархистом. Но теперь - в настоящую минуту (июль 1919) - неужели Вы настаиваете на возвращении к власти династии Романовых?

- Нет, только не эта скверная немецкая династия, которая уже давно потеряла всякие права на престол.

- Но кто же тогда?

- В России сохранилось достаточно потомков Рюрика, которые сохранили моральную чистоту рода гораздо более, чем Романовы. Хотя бы Шереметьевы!

Он не назвал только, кого из Шереметьевых он имел в виду.

На след[ующее] утро мы были в Новороссийске⁶⁸². Вся гавань была полна французскими и английскими военными судами, сплошь покрытыми флагами, - флот праздновал заключение мира с Германией⁶⁸³. Я так далеко за эти годы отошел от военных настроений, что понял, но не почувствовал этого события, которое для меня столько лет было целью всех мечтаний и ожиданий, но я был в настоящую минуту слишком занят текущим...

Я шел вдоль главной улицы Новороссийска - по Серебряковской, - и мне кто-то сказал: "А как же Вы доберетесь до Екатеринодара? Туда ведь с большим трудом впускают, и официальная процедура очень длинна и канительна?"

В это время я поднял глаза, и взгляд мой упал на дощечку: "Комендант города". Я прекрасно понимал, что разрешение въезда в Екатеринодар зависит вовсе не от этого коменданта - а от железнодорожного. И, чтобы увидеть его, надо ехать на вокзал, отстоящий от города версты на три. Но у меня за эти дни создалась привычка объяснения с комендантами. Поэтому я завернул в комендатуру и вызвал адъютанта. Я был уже настолько опытен, что знал эти приемы. Ко мне вышел молодой офицер и сказал:

- Час приема уже кончился. Комендант занят и сегодня никого ни по каким делам не принимает.

- Я прошу Вас только доложить ему мое имя: скажите, что с ним хочет говорить поэт Максимилиан Волошин.

Через несколько минут офицер вернулся торопливым шагом: "Господин комендант просит Вас к себе". По его тону и интонации я понял, что коменданту почему-то очень важно видеть меня. Может быть, гораздо важнее, чем мне его. В полутемной комнате я увидел

⁶⁸¹ 451 Ср. Размышления Волошина о "словах, которые одинаково затрагивали и белых, и красных", с аналогичными суждениями в его автобиографии "по семилетью" (с. 33).

⁶⁸² 452 В Новороссийск Волошин прибыл 29 июня 1919 г.

⁶⁸³ 453 28 июня 1919 года странами Антанты был подписан Версальский мирный договор с Германией.

пожилого полковника, который сделал несколько шагов мне навстречу. Лицо его было мне совершенно незнакомо.

- Вы поэт Волошин? Вы меня совсем не знаете. Но три месяца назад мы жили на одной улице. Вы жили тогда на Нежинской улице, дом номер 36. Я уехал из Одессы с эвакуацией французов. А семья осталась. Ради Бога - расскажите, что там творилось после. Я знаю, что Вы оставались в Одессе после отхода добровольцев.

Я ему рассказал вкратце об одесских событиях, потом - что на Нежинской все было сравнительно тихо. Квартир не реквизируют, арестов не было...

Затем я изложил ему мою просьбу о двойном пропуске в Екатеринодар. И он был тут же написан.

Так мы путешествовали с Ек[атериной] Влад[имировной], не отставая от арестованного Маркса. До сих пор моя задача заключалась только в этом: в способах доставать пропуск для нас обоих.

Казалось часто, что события так сгрудились, что дальше нам прохода нет. Но я был настойчив и часто каким-то сновидением угадывал, куда ведет наша дорога. Все наше путешествие было рядом непрерывных счастливых случайностей. И я всегда угадывал нужные события верно.

В Екатеринодаре все пошло по-иному. До сих пор это было путешествие через неостывшие поля сражений.

Екатеринодар была маленькая казачья станица, по случайностям гражданской войны принявшая в себя весь старый Петербург с его департаментами, чиновниками, генералитетом и т. д.

Все жили и толпились тесно и торопливо. Каждую минуту встречались люди самых разнообразных сфер и областей жизни.

Прежде всего я начал обход всех добровольческих генералов. Мой общий вид, в котором я попал в эти странствия, - длинная белая рубашка, волосы, перевязанные ремешком, сандалии на деревянной подошве, как тогда все носили у добровольцев, - все это среди чинных и единообразных рядов армии и канцелярий производило впечатление ошеломляющее. И это не было мне невыгодно: меня не заставляли безнадежно ожидать в генеральских приемных. Я обошел всех деникинских генералов, начиная с Лукомского, Драгомирова, Романовского и кончая Ронжиным. С ним я виделся не однажды, а довольно часто и регулярно. Он был начальником судной части, и дело Маркса шло через его руки.

Мой день проходил в Екатеринодаре обычно: все утро в присутственных местах, канцеляриях и по генералам.

Из своих старых друзей я нашел здесь Лилию (Черубину) и Лемана. Леман меня познакомил с георгиевским генералом Верховским⁶⁸⁴, который и приютил меня в своей комнате, в каком-то военном общежитии, где жило много военных. Генерал был немного потерянный, одинокий, без присмотра, любивший выпить и для этого державший на солнце на подоконнике целые серии крепких и слабых настоек на горных южных и кавказских травах. Из более поздних екатеринодарских знакомых мне помнится министр гражданской юстиции - не помню его фамилии.

Не удалось мне совсем познакомиться с генералом Деникиным. Одну ночь мы провели в очень увлекательной беседе с м[исте]ром Гарольдом Вильямсом⁶⁸⁵ мужем А. Н. Тырковой, моим старым знакомым по Петербургу и по писательским кругам. Он говорил с увлечением и иронией о современных событиях в Европе и о гражданской войне в России. В

⁶⁸⁴ 454 Петр Владимирович Верховский, по воспоминаниям Волошина "георгиевский генерал", по другим данным был контрадмиралом.

⁶⁸⁵ 455 Гарольд Вильямс (1876-1928) - журналист и лингвист. Его жена Ариадна Владимировна Тыркова (1869-1962) - писательница, одна из лидеров кадетской партии.

разговоре с ним мы пили и выпили неумеренно несколько бутылок кавказского вина. У меня оно разразилось сильнейшим расстройством желудка, так что мне пришлось много раз бегать в туалет. Но все прошло так же быстро, как и началось.

Чтобы повидаться и получить аудиенцию у Деникина, я рассчитывал на Шульгина⁶⁸⁶. Но его в Екатеринодаре не было - он куда-то уехал с морской экспедицией. Проф[ессора] Новгородцева⁶⁸⁷, на которого я тоже рассчитывал, тоже не было на месте. Так что все мои лестницы для подъема к вершине власти оказались отсутствующими.

Судьба Маркса была такова: в первый вечер прибытия в Екатеринодар его поместили в какой-то, в обычное время - прекрасной, гостинице, теперь отведенной для арестованных. Она была переполнена, и ему пришлось поместиться в каком-то коридоре. У него был припадок грудной жабы, и потому его на след[ующий] день перевезли в тюремную больницу. Это было прекрасно.

Тюремная больница была за городом. Это был широкий деревянный барак, окруженный дерев[янной] тюремной оградой, внутри которой было неск[олько] старых деревьев, которых вообще много в окрестностях Екатеринодара. Больные-заключенные проводили большую часть дня в этом саду. Екатерине Владимировне никто не препятствовал часами сидеть с мужем. Для Маркса открывалась широкая возможность человеческих наблюдений среди соарестованных - военных различных чинов, возрастов и судеб.

- Вот обратите внимание на этого Черномазова, - показывал он мне. - Это человек, пользующийся большим вниманием женщин: с ним вместе живет в тюрьме эта цыганка. Ее несколько раз силой выселяли отсюда. Но она перелезает через забор и снова здесь. Очень настойчива. И страстно его любит. И притом, заметьте, у него очень страшная рана: пуля проникла ему в половые органы и совершенно лишила его мужских способностей. И вот, несмотря на это, такая неотвязная привязанность. Они все сейчас ждут над собой суда и удивляются, почему мое дело идет так быстро.

Но, на мой взгляд, дело Маркса вовсе не шло быстро. Военно-полевой суд было очень трудно составить. Для того, чтобы судить полного генерала, необходимо было, чтобы председательствовал в комиссии тоже полный генерал. Между тем в Добровольческой армии, при отсутствии чинопроизводства, полных генералов совсем не было. Генерал-майорами, генерал-лейтенантами - хоть пруд пруди, а полных генералов - ни одного. Наконец наметили одного - старенького генерала Экка⁶⁸⁸ (у нас с мамой когда-то жили летом его жена и дочь). Но его не было в Екатеринодаре.

Перед самым судом не помню кто мне посоветовал повидаться со священником - отцом Шабельским, бывш[им] протопресвитером армии и флота. Я его навещил в той самой гостинице, где Маркс сидел сейчас же по прибытии в Екатеринодар. Мне удалось его заинтересовать судьбой и личностью Маркса. И он сейчас же поехал навещать Маркса в тюрьму. И потом по нескольку раз подолгу видался с Екатериной Владимировной. Его очень поразила глубокая религиозность Маркса, и он обещал поговорить о его деле с Деникиным. Незадолго до конца дела Маркса и моего пребывания в Екатеринодаре я устроил свой публичный вечер чтения моих стихов о революции.

У меня уже давно были приготовлены статьи с описанием обстоятельств, которые вызвали написание всех моих стихотворений о Революции, так что я предварительно рассказывал, а потом читал стихи. Также я выезжал в Ростов на три дня для того же. Останавливался у Кедровых, видел Толузакова⁶⁸⁹. Перешел с ним на "ты". Помню, как в

⁶⁸⁶ Шульгин Василий Витальевич (1878-1976) - политический деятель, монархист, писатель.

⁶⁸⁷ Новгородцев Павел Иванович (1866-1924) - юрист, философ, публицист.

⁶⁸⁸ Экк Эдуард Владимирович - генерал от инфантерии.

⁶⁸⁹ 456 Сергей Александрович Толузаков - офицер. Ему Волошин посвятил стихотворение "Молитва о

Ростове я вспомнил и записал, сидя на скамеечке против гор[одского] сада, всего "Протопопа Аввакума"⁶⁹⁰. Текста его со мной не было, а читать его было необходимо. Я дал его переписать по записанному мною - и русский текст оказался умопомрачительным. Барышня-машинистка вложила в свою работу всю свою добросовестность. Но мой почерк, карандаш и старинный язык XVII века дали эффекты невероятные.

Через 3 дня меня вызвали обратно телеграммой в Екатеринодар. Сообщали, что суд над Марксом будет через несколько дней и что мое присутствие необходимо.

Оказалось, что ставка переносится на днях в Таганрог, но это сопряжено с переселением всех судебных учреждений. Старика Эка - полного генерала нашли и поторопились назначить суд до отъезда из Екатеринодара. Деникина самого я так и не успел повидать, но меня познакомили с одним из его адъютантов - с франц[узской] фамилией, которую забыл, который взял передать мое письмо к ген[ералу] Деникину. На него можно было положиться без сомнений - человек был вполне честный и не русский.

Но на суд ни мне, ни Ек[атерине] Владимировне не удалось попасть. В этот день я пришел в отчаяние от задержек, собрался ехать восвояси. И я "отпросился" у Ек[атерины] Владимировны вернуться в Коктебель. День отъезда был назначен. Но утром этого дня меня нашел посланный Ек[атериной] Владимировной, которая только что сама узнала о том, что суд будет сегодня. Об этом Марксу сообщили только что. И мы встретились в здании суда. Суд уже заседал⁶⁹¹, и мы расположились в коридоре у входных дверей. И это было... незаконно.

Я написал Деникину приблизительно такое письмо, которое было передано ему одновременно с приговором военно-полевого суда:

"Ваше Превосходительство, Вы получите это письмо одновременно с приговором военно-полевого суда, осуждающего генерала и профессора Н. А. Маркса, при [говоре]нного судом, как работавшего вместе с большевиками, к 4 годам каторжных работ, что в его возрасте и при его состоянии здоровья равносильно смертному приговору. Так как дело это очень сложное и приговор в этом деле в некоторой степени является и приговором судящих над самими собою, принимая в соображение "приговор Истории", то считаю своим долгом сказать Вам несколько слов, так как я являлся свидетелем всего дела Маркса и его работы у большевиков, и последующих его мытарств в пределах Доброволь[ческой] армии.

Я сам - поэт и человек абсолютно невоенный, и потому никак не могу разобраться в чисто военной морали, но Маркс, кроме генерала, и профессор, и в качестве такового я знаю и понимаю всю его литературную и научную ценность. И в качестве такового он поступил на моих глазах так, как мог честный человек в его положении поступить, - так, как, будучи в его положении, поступили бы (я думаю) Вы сами. То есть не отступал брать на свою ответственность трудную задачу управления делами, например, просвещения, как раз в острый момент гражданской войны.

Вам, Ваше Превосх[одительство], предстоит сейчас очень трудная и сложная задача: наказать, может быть, виновного генерала, в то же время не затронув и не отнимая у русской жизни очень талантливого и нужного ей профессора и ученого".

Деникин разрешил эту Соломонову задачу блестяще и мудро: он написал на приговоре: "Приговор утврждаю (т. е. лишение всех прав и разжалование). Подсудимого освободить немедленно"⁶⁹².

городе (Феодосия весной 1918 года)".

⁶⁹⁰ Поэма Волошина.

⁶⁹¹ 457 Суд над Н. А. Марксом состоялся 15 июля 1919 года.

⁶⁹² 458 Копия приказа Деникина сохранилась в архиве Н. А. Маркса (ДМВ). Вот этот текст: "Приговором военно-полевого суда от 15-го сего июля ... генерал-лейтенант Маркс за преступление, предусмотренное 109

Маркс выехал позже меня в Ф[еодос]ию. Я его встретил уже там. Мы обедали вместе у Матвея Павловича Нич. Из этого обеда добровольцы, благодаря добровольному списку, сделали позже целую общественную демонстрацию. Рассказывали, что известного большого деятеля, красного генерала Маркса жители Феодосии встретили с почетом, устроили ему банкет, где произносили речи в честь гос[ударственного] изменника, помилованного Деникиным; а между тем, фактически, из гостей на обеде присутствовал только я. У меня был разговор с Екатериной Владимировной:

"Когда мы выехали из Екатеринодара, весь поезд был переполнен офицерами. Сперва мы сидели тихо в тени. На нас не обращали внимания. Потом один из офицеров сказал громко на весь вагон: "Господа, с нами в одном вагоне едет известный изменник - ген[ерал] Маркс. Где он? Хотелось бы знать". Тогда я подняла голос и сказала: "Да, он находится здесь. Это старый, больной человек, измученный грудной жабой и военно-полевым судом, через который он только что прошел и который не осудил его. Что Вам до него?" От этих слов все успокоились, и любопытство к нам прекратилось".

На др[угой] день Маркс приехал к себе в Отузы и поселился в своем доме на берегу. Но отряды офицеров приезжали в дер[евню] Отузы и спрашивали: "А где у вас живет Маркс?" Кто-нибудь из верных татар вызывался проводить к его дому. Но, пока они шли, заходя по дороге в винные подвалы, их мстительное настроение ослабевало, и когда они заплетающимися ногами доплетались до берега, то ни у кого не хватало темперамента самому "докончить изменника".

На меня это тоже распространялось: я не мог ни публично выступить, ни показываться на улице, на меня показывали пальцем и говорили: "Вот только благодаря Волошину нам не удалось расстрелять этого изменника Маркса".

В эти тяжелые и опасные времена единственные люди, кот[орые] пришли ко мне на помощь, - это были феодосийские евреи. В то время Феодосия была убежищем для ряда еврейск[их] писателей, как молодежи, так и для пожилых и маститых, как Онеихи⁶⁹³, автор талантливых и разнообразных рассказов из хасидского быта⁶⁹⁴. ... У евреев был собств[енный] лит[ературный] кружок, который назывался "Унзер Винкль"⁶⁹⁵. Ко мне пришли представители этого кружка и сказали: "У Вас, верно, сейчас очень трудные дни, Вы, наверное, сидите без денег. Хотите, мы устроим для Вас лит[ературный] вечер?"

Я, конечно, с радостью согласился. Это было для меня честью, потому что неевреи в "Унзер Винкль" не допускались. Чтения там бывали на древнееврейском языке или на жаргоне. И когда я начал серию своих стихов "Видение Иезекииля", то публика вся поднялась с места и пропела мне в ответ хором торжеств[енную] и унылую песнь на древнеевр[ейском] языке. А когда я спросил о значении этой песни, то мне объяснили, что этой песней обычно приветствуют только раввинов, а в моих стихах аудитория услышала подлинный голос древнего иудейского пророка и потому приветствовала как равви.

Любопытно, мне рассказала Ася Цветаева, бывшая в толпе, что когда я пришел в залу вместе с Майей⁶⁹⁶, то об нас томная еврейка, сидевшая за ее спиной, объясняла своей соседке: "А это наш известный поэт М. Волошин. И Вы знаете - он женат на княгине

ст[атьей] Угол. Улож[ения] ... присужден, по лишении всех прав состояния, к каторжным работам сроком 4 года. При конфирмации приговор мною утвержден, с освобождением осужденного от фактического отбытия наказания за старостью лет".

⁶⁹³ Онеихи (Онойхи) (псевдоним Залмана Ицхака Аронсона, 1876- 1947) еврейский писатель.

⁶⁹⁴ 459 Речь о быте хасидов - последователей хасидизма, религиозно-мистического учения в иудаизме.

⁶⁹⁵ Наш уголок (евр.).

⁶⁹⁶ М. П. Кудашева (Кювилье).

Кудашевой..."

Так я был почтен еврейской национальной гордостью, и мои стихи о России, запрещенные при добровольцах так же, как позже они были запрещены при большевиках, впервые читались с эстрады в евр[ейском] обществе "Унзер Винкль".

Чтобы закончить историю Н. А. Маркса, мне остается написать несколько строк: я видел Никандра Александровича в Отузах - он сидел на пороге своей приморской дачи и стриг овцу.

Доходили угрожающие слухи об офицерских отрядах, которые поклялись рассчитаться с ним собственноручно, раз нет правды в судах. Ек[атерина] Влад[имировна] волновалась, Маркс был спокоен внешне. Потом он получил приказ от тогдашнего начальника Одесск[ого] и Таврического округа Шнейдера⁶⁹⁷ покинуть пределы его округа и в тот же день покинул Отузы и выехал на лошадях в Керчь, а оттуда переправился на лодке на ту сторону и поселился в Тамани. Там он прожил мирно до осени, когда туда прорвался красный кавалерийский отряд. Отряд в полном военном порядке подъехал к дому и предложил от имени Сов[етской] власти принять начальствование семью частями Красн[ой] Армии, расположенными на Кубани. Он отказался, ссылаясь на то, что он по летам уже имеет право на отставку и войной больше не занимается принципиально. Но отряд на другой же день должен был отступить из Тамани, и Марксу пришлось уехать вместе с ним, так как от белых после этого предложения ему было невозможно ждать пощады.

Месяцев пять ему, вместе с Ек[атериной] Влад[имировной], пришлось скитаться, скрываясь по разным станицам, пока он снова не приехал в Екатеринодар. Первую зиму он давал уроки. А затем вокруг него сгруппировалась местная интеллигенция, он был выбран ректором Екатеринодарского университета⁶⁹⁸. На след[ующую] зиму он умер от полученного воспаления легких и был с большим почетом похоронен на том самом сквере, куда выходило окнами здание того суда, где его с позором судили при белых. Это был 1921 год. Я встретил Екатерину Владимировну в Феодосии во времена террора⁶⁹⁹. Мы с чувством вспоминали недавнее прошлое и наше тревожное и горестное странствие в Екатеринодаре, и она мне рассказывала о его последних минутах. Потом в том же году она выехала к дочери за границу. Сперва в Вену, а потом в Латвию.

⁶⁹⁷ 460 Ошибка: главнокомандующим Таврическим округом был генерал Н. Н. Шиллинг. Разрешение на выезд в Тамань было получено Н. А. Марксом 14 сентября 1919 г.

⁶⁹⁸ 461 Ректором Кубанского университета Н. А. Маркс был избран 19 декабря 1920 года. Скончался он 29 марта 1921 года.

⁶⁹⁹ 462 О том, что произошло в Крыму после изгнания белых и заставило Волошина вновь говорить о "временах террора", рассказывает Вересаев в уже цитировавшихся воспоминаниях об обсуждении его романа "В тупике": "Когда после Перекопа красные овладели Крымом, было объявлено во всеобщее сведение, что пролетариат великодушен, что теперь, когда борьба окончена, предоставляется белым на выбор: кто хочет, может уехать из РСФСР, кто хочет, может остаться работать с Советской властью. Мне редко приходилось видеть такое чувство всеобщего облегчения, как после этого объявления: молодое белое офицерство, состоявшее преимущественно из студенчества, отнюдь не черносотенное, логикой вещей загнанное в борьбу с большевиками, за которыми они не сумели разглядеть широчайших народных трудовых масс, давно уже тяготилось своей ролью и с отчаянием чувствовало, что пошло уже по ложной дороге, но что выхода на другую дорогу ему нет. И вот вдруг этот выход открывался, выход к честной работе в родной стране.

Вскоре после этого предложено было всем офицерам явиться на регистрацию и объявлялось: те, кто на регистрацию не явятся, будут находиться вне закона и могут быть убиты на месте. Офицеры явились на перерегистрацию. И началась бессмысленнейшая кровавая бойня. Всех явившихся арестовывали, по ночам выводили за город и там расстреливали из пулеметов. Так были уничтожены тысячи людей. Я спрашивал Дзержинского: для чего все это было сделано? Он ответил:

- Видите ли, тут была сделана очень крупная ошибка. Крым был основным гнездом белогвардейщины. И чтобы разорить это гнездо, мы послали туда товарищей с совершенно исключительными полномочиями. Но мы никак не могли думать, что они так используют эти полномочия" (Огонек. 1988. № 30 С. 30).